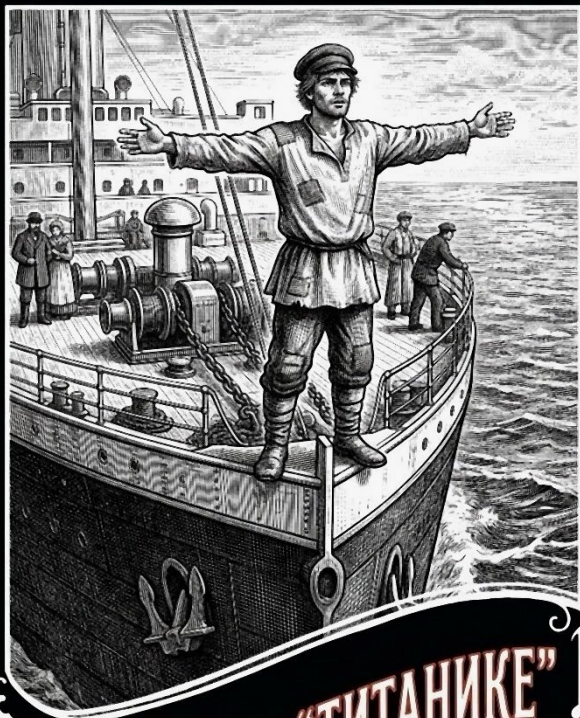
ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ



БУРЛАК НА "ТИТАНИКЕ"

Когда прошлое и будущее разрывают на части

Денис Нижегородцев

Бурлак на «Титанике»

Серия «Выстрел в прошлое. Исторические детективы Свечина о путешествии во времени»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74756486

Аннотация

Пятая серия приключений Юры Бурлака заставляет экс-капитана московской полиции из 2020-х, а ныне агента Службы эвакуации пропавших во времени, погрузиться не только в российскую историю, но и в мутные воды Атлантического океана. Бурлак на «Титанике» – это не название новой картины Репина, но очередной исторический детектив, а также шпионский триллер во вселенной, созданной однажды Денисом Нижегородцевым и Николаем Свечиным.

Содержание

Глава 1. Призраки из прошлого 8
1 8
2 11
Глава 2. Демон 18
1 18
2 23
3 26
4 31
5 35
6 38
Глава 3. Мумия 41
1 41
2 47
3 53
4 56
5 63
Глава 4. Троянский конь 70
1 70
2 74
3 78
4 83
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Денис Нижегородцев
Бурлак на «Титанике»

(5-я книга цикла, продолжение «Пули времени», «Подельника века», «Отстойника душ» и «Края биографии»)

Памятка для новоприбывших

КНИГА 1. «ПУЛЯ ВРЕМЕНИ». *Все началось в 2023 году, когда капитан полиции Юрий Бурлак словил шальную пулю и неожиданно очутился в 1912-м, да еще и в теле бандита Георгия Ратманова. В прошлом он познакомился с Двуреченским, сотрудником сыскной полиции и по совместительству инспектором Службы эвакуации пропавших во времени (СЭПвВ), настоящая фамилия которого Корнилов. Корнилов-Двуреченский поведал, что некоторые люди имеют генетический сбой, позволяющий путешествовать в прошлое. Их называют ландаутистами в честь физика Ландау, придумавшего один из способов перемещения во времени. Всего таких три: насильственный – через убийство или серьезную травму, цифровой – через повторение кода Ландау и хи-*

мический – с помощью инъекции Геращенкова. Причем перемещается только сознание, вселяясь в чужое тело. После преступления, сделавшего Бурлака-Ратманова подельником Корнилова-Двуреченского, знакомства с роковой женщиной Ритой и череды других приключений Бурлак снова поймал пулю и вернулся домой. Но незакрытые гештальты в прошлом заставили его встретиться с начальником СЭПвВ Геращенковым и стать агентом Службы.

КНИГА 2. «ПОДЕЛЬНИК ВЕКА». *Геращенков заслал Бурлака обратно в тело Ратманова, причем в момент смертельной опасности. Агента использовали втемную, у него не было связи с Центром, а Двуреченский оказался дезертиром из СЭПвВ, в теле которого теперь сидел кто-то другой. Зато у Бурлака-Ратманова появилась официальная работа в прошлом – в особом отряде, охранявшем царя при праздновании 300-летия Дома Романовых. Бурлак даже спас Николая II от вольных ландаутистов, или партизан времени, которые никому не подчиняются и стремятся переписать историю. Противостоят им СЭПвВ и аналогичные «временные службы» других стран. Хотя на деле все намного сложнее. В ячейках партизан и спецслужб порой состоят одни и те же люди – двойные, а то и тройные агенты.*

КНИГА 3. «ОТСТОЙНИК ДУШ». *Бурлак стал героем, спасшим царя и освоился в прошлом. Но выяснилось, что это не главная его миссия. На самом деле он должен был вывести коллег на Корнилова-Двуреченского, хитроумного де-*

зертира из СЭПвВ. Того преследовали вплоть до Америки, где Корнилов провернул финальный трюк. Одному ему известным способом поменялся телом со своим преследователем! После чего сбежал в теле Ратманова, оставив Бурлаку тело Двуреченского. Геращенков и К° приняли Бурлака-Двуреченского за дезертира – ведь всем известно, что перемещение душ внутри одного времени невозможно! Бурлак попытался бежать. Но набрал неверный код и попал в Отстойник душ, откуда никто не возвращается по своей воле.

КНИГА 4. «КРАЙ БИОГРАФИИ». *Биография дореволюционного бандита Георгия Ратманова, в тело которого якобы случайно вселялся Юра Бурлак из будущего, обрела новый смысл. Жора прошел долгий путь от внебрачного сына купца и пережившего любовную драму гимназиста – до героя войны, побывавшего в японском плену и на русской каторге. Причем все детали его жизни оказались частью хитроумного плана Корнилова-Двуреченского. Будущий дезертир приложил руку даже к рождению Ратманова, став ему не отцом, но своего рода создателем. Уже взрослому Ратманову предложил путешествовать во времени вместе. Но гордый Георгий отказался и прожил длинную жизнь, так и не став агентом СЭПвВ. Чтобы накануне естественной смерти, в результате еще одного эксперимента Корнилова, переселиться в… тело младенца Юры Бурлака, дожить до взрослого возраста, оттуда перелететь обратно в тело Ратманова, и начать круг заново…*

Хорошая проза подобна айсбергу, семь восьмых которого скрыто под водой.
Эрнест Хемингуэй

Глава 1. Призраки из прошлого

1

Непотопляемый лайнер показался на четырехкилометровой глубине аккурат в тот момент, когда бортинженер и единственный пассажир исследовательского батискафа обсуждали порядок действий на случай нештатной ситуации.

– Джим, как говорят в России, кому суждено быть повешенным, тот не уто… – нет, договорить Андрей не успел.

Лицо Джеймса Кэмерона – а это был он, режиссер «Терминатора», «Чужих», потом еще и «Титаника» с «Аватаром» – вытянулось, глаза заблестели неестественным блеском, губы что-то шептали.

– Заткнись! – кажется, сказал он.

Но это не точно. Поскольку внимание командира глубоководного аппарата «Мир–1» Анатолия Сагалевича, бортинженера Андрея Андреева и самого Кэмерона было приковано к пейзажу за «окном».

– Мужики, у вас все в порядке? Толя? Андрюша? Джеймс? – из динамиков послышался голос коллег с «Мира–2».

В ответ Джим лишь молча прильнул к иллюминатору и на какое-то время потерял дар речи.

– Кажется, мы уже не услышим руководящих команд от мистера Кэмерона, – констатировал Сагалевич. А потом добавил по громкой связи: – Женя, рули за нами, мы обнаружили чей-то слишком длинный нос…

За стеклами иллюминаторов действительно проплывал нос легендарного «Титаника». Он будто прирос ко дну и за прошедшие десятилетия стал неотъемлемой частью местной флоры и фауны. Но в этом-то и состояла опасность. Ржавые металлические конструкции мимикрировали под слой ила, вздымавшийся вверх при приближении глубоководных аппаратов. В какой-то момент красивые железяки, напоминавшие сталактиты и сталагмиты в пещерах, нависли прямо над «Миром». С трудом увернувшись, пилот успел отвести батискаф от прямого столкновения. Однако новой жертвой «Титаника» спустя восемьдесят с лишним лет стала одна из кинокамер стоимостью около миллиона долларов. Об этом возвестили характерный чиркающий звук и слова пассажира.

– Б***! – прокомментировал по-русски всемирно известный режиссер.

– Без паники, – призвал Сагалевич и сдал назад.

– Прорвемся! – добавил бортинженер Андреев.

После ряда манипуляций подводному аппарату удалось-таки занять безопасное положение и проработать еще несколько часов на глубине в три тысячи восемьсот метров. Но шок от первого столкновения с «Титаником» был настолько большим, что Кэмерон впоследствии опишет это по-

гружение словами «полный трындец»…

2

Потом были еще два десятка погружений за восемнадцать дней. Участники экспедиции проводили под водой больше времени, чем на поверхности, поднимаясь только для того, чтобы перезарядить аккумуляторы и немного поспать. Российские батискафы – на тот момент лучшие в мире – обследовали каждый закоулок на затонувшем лайнере, а канадец Кэмерон получил возможность еще лучше освоить великий и могучий.

«Мир–1» Сагалевича обычно стартовал первым. «Мир–2» под управлением Евгения Черняева – на час позже. Но место их встречи оставалось неизменным.

– Сидим на мостике «Титаника». Видим вашу подсветку в районе носа. «Мир–1», прием!

– «Мир–2», вы, как всегда, видите не дальше своего носа. А вокруг еще столько интересного.

– «Мир–1», шутку не расслышали, помехи связи. Ждем, когда вы появитесь над носовой палубой!

Затем батискафы продемонстрировали чудеса совместного маневрирования, освещая и снимая на видео друг друга, ну и сам «Титаник», разумеется. Деревянная обшивка палубы давно пришла в негодность, зато железный скелет судна по-прежнему напоминал о жуткой трагедии, разыгравшейся здесь в ночь на 15 апреля 1912 года.

– Меньше лирики! – скомандовал режиссер. – Идем к правому борту, подсветите.

И «Мир–2» послушно завис над рваной щелью, а вернее над кучей маленьких дырок протяженностью в несколько десятков метров. Именно они, по официальной версии, и привели к «катастрофе века».

– А что про это говорят в России? – спросил Кэмерон.

– Чудеса в решете…

Миф о непотопляемости «Титаника» опирался на то, что у судна могли быть повреждены до четырех носовых отсеков разом, но оно все равно осталось бы на плаву! При этом коварный айсберг зацепил, пусть и по касательной, минимум пять.

– Хорошо, что нас там не было! «Мир–1», прием…

– Так давайте заглянем внутрь, и посмотрим на тех, кто там был!

После этого «Мир–2» завис над еще более глубокой дырой на месте обвалившейся парадной лестницы. Представитель интернационального экипажа американец Джефф Ледда взял в руки пульт дистанционного управления. И отправил в недра «Титаника» миниатюрного робота на длинном оптоволоконном кабеле.

– Так… Ниже… Еще ниже… Это коридор первого класса палубы D. Прямо по курсу обеденный зал, – направлял режиссер, вооружившись подробной картой лайнера.

Когда-то обеденный зал вмещал больше сотни столиков и

одновременно мог принять полтысячи пассажиров, но сейчас он был девственно пуст. Вода вымыла отсюда все, разве что под потолком все еще висела чудом уцелевшая люстра.

– Ого! – заметил бортинженер Андреев.

– Ого? – насторожился Кэмерон. – Что это значит?

– О'кей. Ого – означает о'кей…

Дальше был зал для приемов. Распугав косяк рыб, миниатюрный робот высветил в слое донных отложений изящный женский сапог, разбитые очки, останки пианино с торчащими во все стороны клавишами.

– Надо отмотать провод еще, – заметил Кэмерон. – Как это по-русски?

– Трави концы, – подсказал Андреев.

– Точно, труави канцы… Осторожно, дверной проем!

Робот с трудом протиснулся в двери, обросшие сосульками ржавчины и, чудом не оборвав провод, снова выплыл в коридор.

– Заглянем в каюты первого класса, – распорядился режиссер. – Прямо и налево… Вот в эту… Особого приглашения ждать не нужно, входим!

Всего на «Титанике» было триста семьдесят кают первого класса. Они располагались на пяти палубах и были выполнены в стиле одиннадцати исторических эпох: от Итальянского Возрождения и времен Шекспира до интерьеров в духе Наполеона. Спальни были отделаны лакированными панелями и инкрустациями из экзотического атласного дерева. Но

сейчас об этом почти ничто не напоминало. Остались только полусгнившие переборки и черные дыры иллюминаторов.

– Посмотрим в соседней каюте…

Здесь хотя бы сохранился камин. А рядом о былом великолепии напоминала ржавая ванна.

– Слышал, в России до сих пор ванны установлены не во всех квартирах[1], – заметил кинорежиссер. – Можем задержаться, если кому-то надо помыться.

– А у нас говорят, что все американцы тупые[2], – съязвил Андреев в ответ.

– Я не американец, – напомнил канадец Кэмерон и вдруг снова стал серьезен: – Шутки в сторону! Посветите вперед!

– Ого! – между камином и ванной, в слое многолетней пыли, обнаружился сейф. – Так вот ради чего все затевалось, да? – в разговор включился и оператор робота.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что дверца сейфа открыта. А внутри было так же пусто, как в обеденном зале.

– Видимо, пассажиры покидали каюту в спешке и даже не закрыли за собой сейф, – режиссер не скрывал разочарования.

– А вы хотели найти там золото или бриллианты, да, босс?

– По сценарию, они действительно там были… Но на се-

---

[1] Первое погружение Джеймса Кэмерона к «Титанику» состоялось в 1995 году.

[2] Монологи сатирика Михаила Задорнова о «тупых американцах» были весьма популярны в России 90-х.

годня хватит!

Затем кудесник Женя Черняев притянул робота обратно к батискафу. Для этого потребовалось целых полчаса наматывать длинный оптоволоконный кабель на руку-манипулятор «Мира–2». После чего глубоководные аппараты еще некоторое время скользили вдоль морского дна, проплывая над завалами из мелких фрагментов «Титаника». Большинство из них оказались за бортом, когда лайнер падал на глубину. А особенно тяжело было оставлять внизу коллекцию бутылок элитного алкоголя столетней выдержки.

– «Мир–1», не хотите устроить привал?

– Шампанское будем пить, когда снимем кино, – возразил канадец.

Но «Мир–2» не унимался:

– И на личные вещи пассажиров тоже никто не хочет посмотреть?

– Недолго!

«Мир–2» покрутил в руках-манипуляторах даже не побитые фарфоровые тарелки, имитируя мытье посуды на глубине в четыре тысячи метров. А когда достал из той же кучи старинный чемодан, тот неожиданно раскрылся, вывалив на дно все содержимое.

– Теперь собирайте обратно, – устало распорядился Кэмерон.

– И даже не поднимем чемодан на поверхность?

– С условием, что потом вернем на то же место! – кино-

режиссер напомнил, что каждый участник экспедиции подписывал обязательство не брать со дна ничего ценного.

После чего снова включился гений Черняева. Будущий Герой России управлял руками «Мира–2» лучше, чем иные своими собственными. Чемодан был упакован и поднят на борт научно-исследовательского судна «Академик Мстислав Келдыш». Да еще и с такой помпой, будто внутри действительно было золото или бриллианты. На поверку содержимое багажа оказалось полуистлевшими остатками мужского костюма, заржавевшей бритвой, которую никто уже не взялся бы починить и довольно неплохо сохранившимися документами на имя…

– …Димитри Дженади… – прочитал канадец на ломаном английском.

Но его тут же перебили более сведущие в славянской азбуке:

– Дмитрий Геннадьевич!

– Не смешите меня! Хотите сказать: на «Титанике» тоже были русские?

– Дык…

– Откуда им там взяться?

– Из России, вестимо…

Вскоре знаменитый режиссер улетел в Штаты – проводить кастинг главных героев для самого кассового фильма двадцатого века[3]. А на отвальной поблагодарил российских кол-

[3] «Титаник» (1997) заработал в мировом прокате больше 2 млрд долларов

лег за помощь и добавил:

– Только теперь спать не смогу, буду думать о том, что, черт подери, делали там ваши предки?!

США.

Глава 2. Демон

1

По всей видимости, где-то в России приходит в сознание некто по имени Юрий Бурлак. С ним приключилась довольно мутная история, в финале которой он и оказывается сидящим с завязанными глазами, не имея представления ни о месте, где очутился, ни о времени, ни даже о том, в чьем он находится теле.

Его собеседника узнать чуть проще. Судя по голосу, напротив – подполковник Дмитрий Никитич Геращенков, руководитель подотдела «Б» отдела 114 Первого Главного управления ФСБ и по совместительству начальник Службы эвакуации пропавших во времени – сокращенно СЭПвВ[4]. Как говорилось в одном известном фильме, это точно он – только он умеет так доводить людей!

По звуку Бурлак определяет, что спецслужбист запирает невидимую дверь на несколько замков, опускает на окнах плотные шторы и присаживается на стул, чуть слышно чиркнув ножками о твердую поверхность пола. Вот и все, что по-

[4] Подробнее об этой организации – в памятке в начале этой книги, а также в книгах «Пуля времени», «Подельник века», «Отстойник душ» и «Край биографии». События «Бурлака на «Титанике» начинаются после двух последних.

ка удается выяснить «пленнику».

– Можешь поздравить меня с присвоением внеочередного звания, – подает голос «похититель», – генерал-майора.

Откровенно говоря, Юра не знает, что на это ответить. Мысли в голове еще не пришли к какому-то знаменателю. Хочется спросить о многом и в то же время не сказать ничего лишнего. Шансы проколоться – пятьдесят на пятьдесят. Заговоришь, не понимая контекста – и сразу выдашь потенциальному противнику, что ничегошеньки-то ты не знаешь. Но будешь изображать немого или контуженого – лишишь себя отличного шанса что-то выяснить. И все же для начала попаданец выбирает второе.

– Даже «поздравляю» не скажешь, – отмечает генерал больше для себя. – Хотя без тебя праздник мог бы и не состояться.

Юру подмывает спросить, почему. Но тактика уже выбрана. Называется: я – не я, и лошадь не моя!

– Мы не знаем, что ты делал в отстойнике душ[5], да ты и сам не знаешь, – слышится звук наполнения стакана жидкостью, скорее всего, Геращенков решил выпить. – Но как говорит нам современная теория и практика, разум ландаутиста[6], вернувшегося из этого Богом забытого места, не сохра-

[5] Таинственное место, куда попадают души пропавших во времени, где, судя по книге «Отстойник душ», побывал и Юра Бурлак.

[6] Ландаутист или ландаунутый – представитель 300 родов на Земле, имеющий генетическую аномалию, позволяющую его сознанию путешествовать в прошлое. Название дано в честь физика Л. Д. Ландау.

няет никаких воспоминаний о нем. Есть, конечно, отдельные фантазеры… Случалось читать в показаниях, что там геенна огненная, хотя, по другим данным, там ничего нет. Вообще ничего. А нам приходится доверять разным детекторам или смертной казни. В такие моменты вдруг выясняется, что показания и тех, и других – фикция, – судя по звуку, офицер опрокидывает в себя рюмку и чем-то занюхивает.

Юра молчит. Ведь он не может вспомнить, где находился даже каких-то пять или десять минут назад! Отстойник душ – так это теперь называется? Раньше говорили: амнезия, контузия, потеря сознания…

– Игорь Иваныч! – тем временем обращается к кому-то генерал.

Бурлаку хочется покрутить головой в поисках воображаемого третьего. Но он понимает, что с завязанными глазами это действие лишено смысла. В результате лишь отмечает про себя, что в помещении есть кто-то еще.

– Зря стараешься, – комментирует Геращенков. – Не поможет…

Не поможет что? Кому? И для чего?

– …Сбежать. Не поможет сбежать, – будто читает его мысли Дмитрий Никитич, и снова наливает жидкость в стакан. – Ты в надежных руках и надежном месте. Орать тоже бесполезно. Да и не пристало Игорю Иванычу Корнилову… отличнику, так сказать, боевой и политической… вести себя подобным образом.

И опять он об этом Игоре Ивановиче! Как и Юрию Владимировичу Бурлаку… Ему тоже не пристало орать, и он тоже отличник… был когда-то.

– Вот-вот, – продолжает генерал. – Ты еще про Бурлака вспомни… Но при чем тут Бурлак, Царствие ему Небесное? Пусть покоится с миром. Пока что. Ты о себе лучше подумай!

Та-а-ак… О себе? Это о ком конкретно?!

– Да, о себе. Дров ты наломал, я тебе скажу… Аж главным дезертиром СЭП-вэ-Вэ величают!

Кого? Его?! Юра силится понять хоть что-то, но из-за почти полного отсутствия воспоминаний решает не позориться и снова обращается в слух.

– Еще ты самая известная крыса в отделе. Кроме прочего, тебя называют предателем, изменником, штрейкбрехером, пятой колонной, иудой… Вспомнил?

У Юры возникает ком в горле. И чем же, интересно, он все это заслужил?

– Самое безобидное твое прозвище, которое я слышал, знаешь, какое? – интригует собеседник.

Юра понятия не имеет.

– Турист, – отвечает на свой же вопрос Дмитрий Никитич. – Это потому что ты любитель путешествовать в прошлое просто так, без необходимой идеологической базы!

Только после этих слов к Юре постепенно начинают возвращаться воспоминания. В Москве 20-х годов двадцать

первого века Бурлак являлся старшим оперуполномоченным уголовного розыска, капитаном полиции и тем самым отличником боевой и политической подготовки. Но однажды случилось странное, бандитская пуля или что-то навроде, офицер упал – очнулся – и оказался в начале предыдущего, двадцатого века, да еще и в чужом теле! Бурлак даже сейчас морщится, вспоминая об этой жутковатой истории.

И все же дезертиром из Службы эвакуации пропавших во времени, вне всяких сомнений, был не он, а уже упомянутый Игорь Иванович Корнилов! Отправляясь в прошлое, тот принимал разные обличья. К примеру, в 1912 году, когда Юра впервые его встретил, Корнилов представлялся Викентием Саввичем Двуреченским, чиновником для особых поручений при главе тогдашнего московского сыска. Получается, Юру с какого-то перепугу теперь считают Корниловым-Двуреченским?!

– Молчишь, – констатирует собеседник напротив. – Ну, за тебя, Игореша!

А Юра решает пока не спорить. Вот только зачем службе дезертир? И что может ждать человека, обвиненного почти во всех смертных грехах?

2

Постепенно Бурлак восстанавливает в голове недостающие детали собственной биографии. 1913 год. Северная Атлантика. Какого-то черта он плыл в Россию из Америки на пароходе «Бирма». Причем содержался в трюме под замком и охраной здоровенного детины по кличке Дуля. Тот выполнял в дореволюционной ячейке попаданцев обязанности костолома и даже палача. И да, в тот момент Юра Бурлак уже находился в чужом теле. Дай бог памяти – оно принадлежало… Двуреченскому, тому самому! А над ним склонился еще один фигурант из прошлого – Александр Монахов, офицер царской охранки и по совместительству сменщик Двуреченского в СЭПвВ, после того как дезертира повязали и обвинили во всех тяжких.

– Сан Саныч, голова идет кругом от всего этого, – признавался Юра в теле изменника. – Почему нельзя было сразу доставить меня к Геращенкову, прямиком из Америки? Вместо этого зачем-то посадили на корабль и потащили через полмира в далекую Россию. Еще и на ковер московской резидентуры в прошлом наверняка вызовете.

– Протокол. – Монахов был большой аккуратист.

– А если я сбегу? Дорога длинная, еще минимум две недели куковать на пароходе плюс не самые благоприятные погодные условия, «Титаник» на этом же маршруте в прошлом

году утонул…

– Не бойся, в этот раз никаких катастроф не планируется, – заверил Монахов.

М-да… А как Юра попал на этот пароход? Известно как – сел на него в Нью-Йорке! А что было до Нью-Йорка? До Нью-Йорка был штат Коннектикут, та еще глухомань, если честно. И что же выпускник бывшей Высшей школы милиции делал в штате Коннектикут, США, да еще и в теле дезертира Двуреченского? Юра изо всех сил напрягает извилины и вспоминает… Именно там, на какой-то занюханной американской ферме произошла роковая перестрелка, которая и привела к нынешней путанице с телами. Юра хватается рукой за глаз, по-прежнему прикрытый плотной повязкой – именно туда попала одна из пуль. А другая… етишкин пистолет… другая попала прямиком в сердце! Смертельный выстрел, после которых обычно не выживают…

Давай, Юра, вспомни все! Короче говоря, перед смертью у него состоялась дуэль с… все тем же Двуреченским. И нет, это не оговорка, а горькая правда. Тело Двуреченского тогда эксплуатировал дезертир Корнилов, а сам Бурлак сидел в другом теле… некоего Ратманова, бывшего налетчика, с легкой руки оперативника из будущего ставшего неплохим полицейским и в прошлом тоже.

Кстати, оба стрелявших попали, и даже прикончили друг друга! При обычных обстоятельствах это означало бы верную смерть. Но благодаря гену ландаутизма, агенты СЭП-

вВ должны были лишь переместиться в другое время и другие тела. Одна только неувязочка вышла. В момент смерти Корнилов каким-то макаром умудрился поменяться телом со своим противником внутри одного времени! Не по своей воле Юра обрел новую личность, внешне выглядевшую как злодей Двуреченский, но с душой симпатяги Бурлака. А прежние сослуживцы дружно приняли его за главного дезертира всех времен и народов. Ведь все знают, что перемещение душ «по горизонтали» невозможно!

Что еще? Бывший подельник сбежал, оставив лишь издевательскую записку, написанную симпатическими, быстро исчезающими чернилами: «Дорогой Юра! Пардон, но лучшего времени, чтобы разбежаться, у нас не будет. Теперь уже окончательно! Знакомство с тобой многое мне дало. Пожалуй, при других обстоятельствах мы могли бы стать настоящими друзьями! Но история не терпит сослагательного наклонения… Твой Игорь Иванович (экс-Викентий Саввич)».

3

Юра вновь потирает больные места в районе сердца и глаза. Это уже психосоматика. Если окончание жизни для ландаутиста – дело, в общем-то, привычное, то воспоминания о предыдущих телах и их мучительной кончине дают о себе знать еще долго.

– Вижу, ты уже многое вспомнил, – констатирует сидящий напротив генерал Геращенков. По-видимому, ему доставляет удовольствие читать чужие мысли. – Нет, никакого удовольствия я от этого не получаю, – возражает он. – Просто нам обоим это на руку. Меньше времени на введение в курс, больше на работу.

– Тогда, может, мы уже снимем эту дурацкую повязку с глаз?! – Бурлак решает перестать играть в молчанку и впервые слышит этот чужой голос, доносящийся из собственного рта.

– Не время еще! – отрезает собеседник.

Тогда для чего время есть? К примеру, можно вспомнить обстоятельства собственной гибели. На этот раз самой последней… Когда сэпвэвэшники доставили мнимого дезертира в Москву 1913 года, над ним состоялось безобразное судилище. Но прежде чем сослуживцы успели отправить его к праотцам, Юра взял инициативу в свои руки и впервые самостоятельно применил технологию перемещения во време-

ни. Был уверен, что попадет домой, в двадцать первый век, однако ошибся и очутился в пресловутом отстойнике. Надо было лучше учить матчасть…

По слухам, выбраться оттуда самостоятельно никому еще не удавалось. А шанс на возвращение имеется при одновременном соблюдении двух условий: душу ландаутиста должен затребовать кто-то из будущего. И там же, в будущем – должно сохраняться его тело. С первым более-менее ясно – дезертира вызвал на ковер Геращенков. А вот со вторым непонятно: мало того, что в далеком 1913-м тело Двуреченского выбросили на свалку, так еще и труп изменника Корнилова сожгли, уже в двадцать первом веке. Сам Геращенков лично утвердил, завизировал и присутствовал при процедуре кремации…

– Уж не думаешь ли ты, Игореша, что я в самом деле сжег твое тело? – генерал впервые издает звук, похожий на смех. – Чтобы потерять самого ценного сотрудника только потому, что он оказался предателем, дезертиром и иудой?

Бурлаку нечего сказать. С одной стороны, он должен испытывать чуть ли не испанский стыд за человека, которым не является. Но и когда того же самого человека называют самым ценным сотрудником, тоже становится не по себе.

– Сжигание твоего трупа, разумеется, было фиктивным, – признает функционер секретной службы. – Но об этом знаю только я. Для всех остальных тебя больше нет. Игорь Иванович Корнилов официально признан пропавшим без вести

актом от двадцатого мая две тысячи восемнадцатого года. Ну и от третьего июня девятьсот тринадцатого, если кого-то еще интересует тело Викентия Саввича Двуреченского.

– И что тогда я тут делаю? – вздыхает попаданец.

– Хороший вопрос, – судя по звуку, генерал откидывается на спинку стула. – Да, стул немного скрипит, это недоработка. Полагаю, ты уже определил по звуку и примерные размеры этого помещения. Но на этом все! Большего знать пока и не нужно. А вызвал я тебя с вполне конкретной целью – ты будешь моим личным демоном.

– Вот черт!

– Не поминай его всуе… То есть не просто тайным агентом, но не существующим нигде сотрудником, выполняющим только мои поручения.

– И что мне за это будет?

– А ничего! Зато за отказ от сотрудничества, альтернативы которому у тебя попросту нет, ничего хорошего не будет точно. Не собираешься же ты обратно в свой отстойник?! – генерал впервые громко смеется.

– Неизвестно еще, где хуже…

– Проверять не советую! – собеседник снова обращается в серьезного, застегнутого на все пуговицы офицера. – И слушай свое первое задание в новом качестве.

Молчание – значит, весь внимание.

– Предстоит снова отправиться в Америку.

– Хах!

– Причем на пароходе.

– Пооригинальнее ничего не могли придумать? Обратно в Коннектикут? Опять на «Бирме»? – Юра принимается закидывать генерала вопросами.

Но тот вдруг топает ногой. И по глухому бетонному звуку попаданец делает предположение, что они находятся в каком-то подвале. Не самая большая зацепка, но все же.

Геращенков продолжает:

– Мы хорошо все придумали. О Коннектикуте можешь забыть как о страшном сне. О «Бирме» тоже. Плыть предстоит на «Титанике»…

– Ого! Он же затонул, если мне не изменяет память?

– «Бирма» тоже сто лет как разобрана на металлолом. Так что меньше умничай и готовься к путешествию во времени.

– Не снимая повязки с глаз?

– Пока еще не время.

– Пулей в голову или?

– Это тоже лишнее. Укол в предплечье.

Слава богу, со времен первых агентов СЭПвВ путешествия в прошлое приобрели более цивилизованные формы. Вместе банального убийства ландаутистам начали колоть «инъекцию Геращенкова». Причем не этого, а его отца – Никиты Юрьевича, основателя и многолетнего руководителя службы, еще когда та была под крылом КГБ СССР…

– Точно на «Титанике»? Быстрее добраться до айсберга не получится? – шутит новоиспеченный демон. – И что мы

вообще на нем забыли?

– Нужно будет сопроводить одного миллионера…

4

– Дмитрий Геннадьевич был представителем династии иваново-вознесенских фабрикантов Бурылиных. Иваново тогда называли Иваново-Вознесенском, а еще русским Манчестером по аналогии с английским центром текстильного производства, – голос экскурсовода монотонно разносится под сводами столетнего здания музея. – Старший брат, Николай, владел Большой Ивановской мануфактурой, которая имела многомиллионные обороты и в начале двадцатого века была самой крупной в городе. Ну а младший, Дмитрий, управлял несколькими фабриками поменьше, как в самом Иваново-Вознесенске, так и по соседству, под Шуей…

В иных случаях кто-то из юных посетителей музея мог и прикорнуть, но в этот раз среди ивановских школьников, которых приводят сюда едва ли не ежегодно, находится возмутитель спокойствия. Экскурсия перестает быть томной.

– А мумию тоже он в город привез? – выкрикивает малолетний шалопай.

– Так, давайте не перебивать! Если что-то нужно спросить, дождитесь окончания экскурсии, – недовольно комментирует гид. Но, сделав замечание, все же отвечает на вопрос. – Сейчас мумия находится не здесь, а в областном Художественном музее, буквально в двух кварталах отсюда. Вы всегда можете туда сходить и…

– А правда, что мумия была не одна?

– Несколько мумий было, да, – вынужденно соглашается экскурсовод, уже пожалев, что ввязался в эту дискуссию. – Еще была легенда о не вполне мумии, но о древнеславянской женщине, похороненной в специальной колоде в меду, где она и замумифицировалась. Чего только не говорят! Даже о том, что неуспокоенная душа одной из мумий по ночам бродит по подземному переходу между двумя нашими зданиями…

– А она бродит?

– Я ее никогда там не видел! – горячится экскурсовод. Но природная интеллигентность и щепетильное отношение к профессии не позволяют ему просто так сменить тему. – Честно говоря, я такие байки никому и не рассказываю. Это всего лишь городские легенды. Хотя, надо признать, многие мои коллеги всю экскурсию на них и строят!

– Вы не видели ее, но слышали?

– Кого? Мумию? Мальчик, я работаю здесь больше, чем лет твоим родителям, и поверь мне, если бы кто-то…

– Даже цоканья каблуков по подземному переходу не слышали?

– И цоканья не слышал! Эта байка используется у нас на ночных экскурсиях. Юные барышни при свете свечей заходят в темный коридор и там уже наблюдают подобные спецэффекты. Все это интересно, конечно, но не подтверждено фактами!

– А что Бурылин хотел делать с этими мумиями?

– Они были частью его коллекции…

– А обряды какие-то с ними проводил, воскрешал?

– Когда ему было этим заниматься? – отвечает гид вопросом на вопрос. – Помимо того, что у него в управлении было несколько фабрик, он имел большую семью из девяти детей, активно занимался благотворительностью и постоянно пополнял свои коллекции, путешествуя по Европе, странам Востока…

– А на «Титаник» он почему не сел?

Старик-экскурсовод испускает тяжкий вздох:

– Это тоже городская байка, легенда. На самом деле никаких списков пассажиров, где была бы фамилия Бурылина, не обнаружено. Разве что режиссер Кэмерон поднял их с морского дна и спрятал в своем столе…

– Откуда тогда эта легенда взялась?

– Исключительно из воспоминаний дочери Бурылина. Она тогда была еще школьницей, точнее гимназисткой. И якобы вспомнила, что отец якобы хотел поехать в Америку, якобы на «Титанике». Даже билет купил, но заболел, и «Титаник» затонул без Дмитрия Геннадьевича…

– Круто!

– На этой байке строят экскурсии многие мои коллеги. К примеру, когда отмечался очередной юбилей Бурылина, были обыграны и мумия, и «тайный» подземный переход между зданиями музея, и целый макет «Титаника» к нам в под-

вал притащили. Все, как вы любите. Хотя я, разумеется, против!

5

Тем временем в секретном месте, где-то между подвалами Лубянки и тайным подземным ходом в городе невест, генерал-майор Геращенков дает Бурлаку-Корнилову последние указания. Демон, незарегистрированный агент СЭПвВ, должен отправиться в начало 1912 года и сделать так, чтобы фабрикант Бурылин, больной или здоровый, во что бы то ни стало сел на «Титаник»!

– А в чем, собственно, проблема? – спрашивает Юра, все еще сидя перед начальником с завязанными глазами. – Он же не при смерти был? Так сложно усадить человека на самый передовой пароход своего времени?

– Вот это ты сам у него и спросишь! – парирует собеседник.

– Я так понимаю, вопросы сегодня не приветствуются.

– Игорь Иваныч, я не узнаю тебя в гриме… Какие могут быть вопросы после двадцати лет службы? Еще мог ожидать этого от молодежи, но от тебя… Ну давай, задавай!

Судя по скрипу, Геращенков усаживается поудобнее. Но Юра адресует ему единственный вопрос, который на его месте задал бы каждый:

– А мне на «Титаник» подниматься обязательно? Или посажу товарища и, как говорится: провожающие, просим выйти из вагона?

– А ты случаем не испугался? – Геращенков почти разочарован.

– Нет. Но одно дело посадить человека на лайнер, который несется навстречу гибели, умыть руки на берегу Атлантического океана и спокойно пойти дальше по своим делам…

– Именно так! Как говорят в народе: сделал дело – гуляй смело!

– И больше никаких вводных? Что делать можно, чего нельзя?

– Есть только три момента, которые заслуживают твоего внимания.

– Я весь внимание!

– Не юродствуй… Но помалкивай о своей новой службе. Это первое. Также надо будет обрубить в прошлом все прежние связи: с коллегами, бандитами, возлюбленными. Это второе. И не разочаровывай меня – это последнее. Вопросы?

У матросов нет вопросов… Хотя вслух надо бы сказать что-то поумнее.

– Ты не матрос, а подполковник ФСБ, на секундочку, – парирует Геращенков, большой любитель читать чужие мысли.

Интересно, а если подумать о том, что он не Корнилов, а Бурлак…

– Опасные мысли у тебя, Игорь Иваныч, не советую продолжать в этом направлении, – реагирует генерал. – Подумай-ка лучше о своей новой важной миссии.

Любопытно…

6

А уставший гид в Иванове продолжает захватывающий рассказ о Бурылине. Все-таки на первом месте тот был не фабрикантом, а коллекционером. В своем духовном завещании признавался: «Музей – это моя душа, а фабрики – источник средств для жизни и его пополнения».

– Сейчас мы находимся в его рабочем кабинете. Здесь очень хорошо видно, каким всеядным, если можно так выразиться, коллекционером он был. Многие обвиняли Дмитрия Геннадьевича в бессистемности. Но приоритетные направления были и у него: нумизматика, старинные книги, все что связано с Востоком, коллекция масонских атрибутов…

– Он, что, масон?

– Нет, масоном он не был. Но атмосфера тайны, связанная с масонством, его действительно привлекала. В результате он по крупицам собрал огромную коллекцию, более тысячи предметов…

– А зачем он тайный ход прорыл под землей?

– Деточка, мы уже об этом говорили… Тайным этот переход никогда не был. Он с самого начала планировался между нашим зданием и домом Бурылиных напротив. Правда, городское управление не сразу разрешило его строить. Потому что рядом река Уводь, по весне она сильно разливалась. Бурылину все же удалось добиться разрешения на строитель-

ство, но ему выставили очень серьезные условия, сказав, что если у кого-то что-то обвалится, он будет ликвидировать все за свой счет, а сам переход сразу же засыплют. Но, как видишь, он существует до сих пор, уже больше ста лет. Мы регулярно им пользуемся, проводим там экскурсии, в том числе посвященные твоей мумии…

– А правда, что мумии прокляли весь род Бурылиных, весь город и вообще?.. Ведь после того как они появились в России, начались война, революция, а Дмитрий Геннадьевич и все, кто его окружал, плохо кончили?!

– Та-а-ак… Кажется, нам с тобой нужна отдельная экскурсия… – гид окончательно останавливается. – Все это слухи и домыслы таких же любителей дешевых сенсаций, как ты! Последнюю мумию он привез когда? В тысяча девятьсот тринадцатом году. А Первая мировая война началась когда? В четырнадцатом… Еще через три года – революция и Гражданская война. Конечно, Дмитрия Геннадьевича, как представителя имущих классов, лишили всего, в том числе и дома, переселив в подвал. На первых порах его оставили хранителем собственной коллекции, но через несколько лет обвинили в краже своих же монет, выставили с семьей из особняка Бурылиных и уволили, распорядившись больше не пускать на порог музея. Это, конечно, подкосило его здоровье, еще достаточно бодрый человек быстро сдал и скончался от инсульта в том же году. Четырьмя годами позже умер и его старший брат, также лишившись дома и имущества. В

то же время умерла и жена сына…

В музее повисает зловещая тишина.

– Но я хотел сказать не об этом! – едва не смутившись от собственных слов, экскурсовод продолжает гнуть свою линию. – Повторюсь, ни о каком проклятье фараонов, ни о каких демонах речи не идет! А если у мумии и были жертвы, то только некий студент Левин – помощник Бурылина, который исчез, доставив ее в Россию…

И снова эта тишина. И толпа детей, впервые внимающих музейному работнику с открытыми ртами.

– Тьфу ты! – он принимается рассказывать о монетах, веерах и книгах из богатейшей коллекции ивановского фабриканта. Но эффект, конечно, уже не тот.

Глава 3. Мумия

1

Та-а-ак… Уже можно открывать глаза или еще рано? До чего прогресс дошел… Если раньше пресловутая «инъекция Геращенкова» была без вкуса и запаха, а у иных агентов СЭПвВ ее состав вызывал аллергию наподобие отека Квинке, теперь в воздухе стоял приятный аромат восточных благовоний, немного пряный и даже сладковатый. Фармацевты на Лубянке научились смешивать разные ингредиенты, добавляя по вкусу нотки кардамона, корицы, мирры и эвкалипта? Ой-ли…

Юра разлепил веки и мысленно присвистнул. В какой раз[7] уже он видел над собой кусок неизвестного помещения, чаще всего – какого-нибудь подвала. Под потолком, на некотором отдалении, маячил слабый источник света – но что-то все равно темное и не современное. Довершали картину низкий свод и кирпичная кладка, как в каком-нибудь лофте на Старом Арбате. Конец девятнадцатого – начало двадцатого века, как пить дать! Вот только… Что тут делала фи-

[7] Почти также начиналась первая книга серии – «Пуля времени», где Бурлак впервые очнулся в 1912 году.

гура в несуразном облачении, максимально далекая даже от моды наших предков? В частности, с мордой шакала вместо головы?!

Бурлак едва не выругался вслух. Но многолетняя оперативная привычка подавлять эмоции взяла верх. Продолжай наблюдать, пока не сформировал план действий хотя бы на ближайшую перспективу: несколько минут, час, первые сутки. Для конспирации экс-оперативник даже снова прикрыл глаза. Легче всего было дождаться, пока фигурант со звериной харей сам что-нибудь предпримет, а уже потом решить, кто из них двоих скорее сошел с ума. Но тут же пришлось разлепить глаза обратно – намерения у неизвестного могли быть самыми опасными.

Слава богу, тот не обратил внимания на пробуждение Бурлака. Не то в руках, не то в лапах – с Юриного места было не разглядеть – собачеголовый держал толстенную книгу и что-то бубнил себе под нос. На заклинание ландаутистов вроде было не похоже, и вообще на современные языки. А еще Юре почему-то вспомнилась школьная училка по истории, Галина Пална. В конце урока она любила загадывать загадки о теме будущего занятия. Дети отправлялись домой, мучительно листая ближайшие главы учебника, и все равно ошибались. Вот и сейчас перед глазами попаданца разворачивался один из параграфов про… Древний Египет. Мать его женщина! Только собрался на «Титаник», можно сказать морально подготовился ко встрече с айсбергом, а попал в

царство мертвых[8], во главе с Осирисом и прислуживающим ему Анубисом – того как раз и изображали с головой шакала или волка!

Последний снял со стены массивные железные клещи, донес их до пыхтевшей неподалеку печи, хорошенько нагрел инструмент и обернулся к Бурлаку. Вот черт! Может еще пройдет мимо; опустит «орудие пыток» в холодную воду; признается, что это воскресный спектакль, о котором упоминали гиды ивановского музея. Но нет!

Юра мысленно дочитал параграф учебника истории: «Тело покойного переносили в зал для бальзамирования. Из него доставали внутренности, всё, кроме сердца, после чего полость промывали пальмовым вином со специями и заполняли ароматизаторами». Так вот почему здесь пахло корицей и прочими благовониями, придававшими приятный запах будущей мумии…

Не понос, так золотуха! Бурлак попытался пошевелиться, высвободить руки или ноги, но ничто из перечисленного его не слушалось. Он почувствовал себя запертым в чужом теле как в коконе и совершенно беспомощным. Вдобавок, все чесалось и болело – он осознал это только сейчас. Притом что времени думать о болячках решительно не было. Потому что собачеголовый продолжал наступать. А конец разо-

---

[8] В древнеегипетской мифологии за души усопших отвечал царь загробного мира Осирис, а помогал ему в качестве бога погребальных ритуалов и мумификации Анубис.

гретой железяки уже опасно завис над Юриной головой.

Что там еще было в учебнике? «Мозг будущей мумии удаляли через ноздри с помощью специального крюка». Господи боже, хотя бы мозг оставьте в покое! Единственное, что у Юры осталось своего…

«Извлеченные органы убирали в сосуды из алебастра, – Анубис коснулся одной из чаш на полу. – А если тело принадлежало человеку менее знатного происхождения, его просто погружали в селитру».

Юре почудилась усмешка в глазах врага. Лапами, или что там было у него, мерзавец развел в стороны рукояти гигантских щипцов. И тогда попаданец не выдержал:

– Брось! А ну брось клещи, собака! Убери от меня эту штуковину, кто бы ты ни был! Брось клещи, сука!!! – кричал Бурлак, не сдерживая праведного гнева.

Тогда как его оппонент застыл как вкопанный. Сквозь прорези глаз на Юру смотрели расширившиеся от ужаса зрачки. Неизвестный даже перестал дышать на какое-то время. Но потом все же вобрал в легкие воздуха, медленно снял с головы звериную морду и перекрестился. Это был усталый немолодой человек, по виду – совершенный русак, в обычной холщовой рубахе, ворот которой вылез наружу из-под маски. Так неужели все-таки спектакль, о котором рассказывали в Музее имени Бурылина?

– На одре греховнем лежаща мя, и страстьми уязвена, и якоже воздвиже Петрову тещу, и спасе разслабленаго носи-

ма со одром, тако и ныне посети милостиве, болящаго, понесы и недуги рода нашего, Тебе Единаго свемы, Терпелива и Милосердца, Милостива Врача душам и телом, Христа Бога нашего, наводяща недуги, и паки исцеляюща, подавающа прощение кающимся о согрешениих, Единаго Милосердаго и Милостиваго! – проговорил мужик с характерным дореволюционным акцентом и вновь перекрестился. Даже пару раз. Сначала двумя перстами, как старовер, а потом и тремя, как обычный православный.

– Молился за тебя пред всеми богами! – добавил он после паузы, продолжая держать в руках маску Анубиса. – Эх, Сашка, ох и напугал ты меня! Ан вон какой таперича, живой да здоровый…

Ну про здорового можно было и помолчать, да и про живого, учитывая обстоятельства переселения сознания агентов СЭПвВ в тела покойников в прошлом. Но Юра решил заговорить сам.

– А какой сегодня день, месяц, год? – под сурдинку попаданец захотел вызнать как можно больше. Смекнул, что он сейчас в том состоянии, на которое потом можно списать любые самые глупые вопросы!

Незнакомец даже не улыбнулся:

– Год одна тысяча девятьсот двенадцатый от Рождества Христова. Февраль месяц, тринадцатое… – он снова перекрестился.

Хотя, какой, к черту, незнакомец? Перед Юрой стоял

Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Такой же как на портрете, который потом повесят при входе в музей его имени. Как есть он. И не такой уж старый.

2

– Эх, Сашка, ох и напугал ты меня! – произносил Бурылин еще не раз на протяжении вечера их повторного знакомства.

Повторного – потому что внутри студента Александра Левина теперь сидел Юра Бурлак, хотя и всячески стремился это скрыть.

– А все ж чудной ты! – купцу молодой человек явно показался подозрительным. – Я-то думал, всё… Письмо уже матери твоей накатал, мол, не сдюжил сын ваш… Ента, как ее, египетская лихорадка была сильнее его… Хорошо, не отправил…

Они по-прежнему находились в подвале, под мрачными кирпичными сводами и в окружении «орудий для пыток» разных времен и народов. Только там, где еще недавно лежала мумия, хозяин накрыл что-то навроде праздничного стола. Натопленную печь использовал теперь для нагрева старинного чайника – пусть на тот момент он и был только куплен. А разливая кипяток, нет-нет да и поглядывал в сторону гостя, продолжая не верить в его выздоровление.

– Ты ж помер, почитай! – все еще дивился фабрикант. – Мало того, что лихорадку незнамо сколько переносил на ногах, так, еще и когда сюда заявился, ты бы видел свою рожу… Холодный, синюшный, одно слово – труп!

Юра поежился. Но при попытке пошевелиться вновь ощу-

тил себя почти что в прежнем коконе.

– Не надо! – заметил его поползновение Бурылин. – Не время покамест. Я тебе сейчас одного отвару дам, по очень старому рецепту. А там доктор придет и докончит начатое.

Прикончит что ли?

– Не надо, – на этот раз тихо, но твердо, ответил уже Бурлак. Он не был забинтован как мумия, но все равно лежал на лавке и самостоятельно встать не мог.

– Молчи! – испытующе посмотрев на болезного, добавил Дмитрий Геннадьевич: – Не хватало еще, чтобы ты снова… ента… того!

Отвар оказался даже и не очень противным на вкус, чем-то средним между круто заваренным чаем и подбродившим компотом из шиповника. Но когда голодный Юра – интересно, сколько же времени он ничего не ел и не пил! – с жадностью вылакал из чаши все ее содержимое, Бурылин поспешил заметить:

– Все ж таки всякая тварь в природе несет пользу, даж мелкие грызуны пригождаются. Главное – выжать хорошенько. Вона как тебя проняло, оприходовал за милу душу!

После чего Юру вполне обоснованно стошнило под лавку. А хозяин подвала, вытирая за ним, недовольно пробурчал:

– А ты говоришь: здоровый, доктора не надо… Вторую мумию оплевал почем зря…

Вкусив отвара, Юра ощутил, как закружилась голова и поплыло изображение перед глазами. Он наблюдал за необыч-

ными телодвижениями Бурылина, который менял маски Анубиса, Осириса и других древних существ как перчатки, плясал на раскаленной печи и изрыгал пламя. В какой-то момент к сошедшему с ума купцу присоединилась еще одна фигура. Попаданцу ее представили как доктора:

– Блюменталь. Хотя вы и так знакомы, – разумеется, не с Юрой, а со студентом Левиным. Но сейчас это было одно и то же.

И легче от этого не становилось. Портреты двух мужчин и размытые натюрморты с печью, чайником и кирпичной стеной слились в один длинный сон с открытыми глазами. Доктор проводил какие-то манипуляции, уходил, а потом все повторялось. Сменялось время суток – насколько это вообще можно было заметить в подвале – и вновь перед взором Юры представали Дмитрий Геннадьевич с озабоченным лицом и Блюменталь с недоуменным.

– Ентому покамест рано вставать, – говорил один.

– Однако выздоровление необратимо, – вторил другой. – Какой необыкновенный, удивительный случай!

А когда доктор в очередной раз ушел, Бурылин – тот еще зануда – снова начал рассказывать во всех подробностях, как они с Левиным объездили пол-мира, особенно страны Востока, побывав в Персии, Османской империи, Палестине, Египте. И везде студент служил верным помощником своему господину, переводил с турецкого и арабского, отвечал за пропитание, организацию ночлега и посещение достопри-

мечательностей, а главное – за закупку и доставку в Иваново-Вознесенск заграничных диковин.

– Мумию тоже я сюда привез? – спросил Бурлак-Левин, когда ему уже значительно полегчало.

– А то кто ж?! Рано Блюменталь заговорил о твоем выздоровлении, ох, рано! С головой еще не все ладно…

– Ладно, ладно все с головой, – не согласился Бурлак. – А Блюменталь ваш лошадиными дозами своих препаратов и здорового человека в могилу сведет!

– Ты на Анатолия Моисеевича не клевещи, – осадил Дмитрий Геннадьевич. – А то пожалею, что не схоронил тебя-дурака сразу…

– Чего сразу дурака-то? – обиделся Юра.

– А то! – возмутился фабрикант. – Когда ты полуживой добрался с мумией до моего дома и на пороге ентого самого подвала, почитай, свалился вусмерть, только ему я и доверился. Анатолий Моисеевич засвидетельствовал твою безвременную кончину. А мне пришлось устроить для него врачебный кабинет на второй по значению улице Иваново-Вознесенска. То, что брат Николай несколько лет обещал сделать. Вот каким скверным делом ради тебя пришлось заниматься!

– Теперь в городе будет новый врачебный кабинет, разве плохо? – возразил попаданец.

– Плохо то, что в неудобное положение ты меня поставил! – объяснил Дмитрий Геннадьевич. – Для всех тебя нет,

ясно тебе? Если б люди узнали, что в доме купца первой гильдии и потомственного почетного гражданина[9] при неясных обстоятельствах помер студент… Это ж до конца жизни толков не оберешься! Ну а я решил, коли ты все равно «того», набальзамировать тело да для изучения употребить…

Вот и в этом времени Бурлак-Левин-Корнилов-Двуреченский оказался демоном… Правильно говорят, что история ходит по спирали. Но вслух Юра сказал другое:

– Изверг!

– Каков я тебе изверг? – на этот раз обиделся уже купец. – Это ж твоя мысля была! Так мне и сказал перед ентой, смертью. Употреби, дескать, мое тело для продолжения наших опытов, касаемых нетленности останков и пребывания в них души бессмертной.

Вот, чудак, возможно, даже больший, чем Бурлак в теле Левина!

– Ладно… Дай мне хоть разок на улицу выйти, свежим воздухом подышать, – Юра сменил тему.

– А енто ни в коем случае! Я же сказал, что нету тебя! – Дмитрий Геннадьевич изумился его непонятливости.

– Да хоть бы наверх подняться, на первый этаж? Не лежать же весь день в этом подвале в обнимку с мумиями? – попаданец попытался еще.

---

[9] Д. Г. Бурылин удостоился этого звания дважды: потомственного почетного почетного гражданина Иваново-Вознесенска – в 1902 году и почетного почетного гражданина Иванова – посмертно в 2000-м.

– Тоже никак нельзя. У меня там пятеро детей, а это не шутки, – купец гнул свою линию. – Домашние набольше других уверовали, что ты помер.

Юра понял, что ловить тут нечего, махнул рукой и отвернулся к стенке. Как говорится, утро вечера мудренее. А оперативные работники добавляют: лежи, особо не отсвечивай и составляй план дальнейших действий.

– Подвал ему не по нраву, ишь ты, – Бурылин продолжил бурчать за спиной попаданца. – У меня он самый теплый на всей улице! Надо с самого начала его таким делать, а не как остальные: сначала выроют, потом голову ломают, куда воду провести да как печь приспособить…

3

Решение Юриной проблемы пришло довольно быстро. Пятеро бурылинских детей этажом выше? От силы двумя этажами? Как только хозяин дома отбыл по делам – не мог же фабрикант ежеминутно находиться возле своего «пленника» – Бурлак принялся издавать подозрительные звуки. Домашним поначалу могло показаться, что снизу скребется мышь, потом – стая грызунов, а после – что под полом завелся целый оркестр. Так или иначе, но смекалка оперативника сработала. Сверху донеслись звуки чьих-то шагов, и точно не Дмитрия Геннадьевича. Крышка погреба медленно отодвинулась в сторону, и кто-то с опаской посветил керосиновым фонарем вниз. Бурлак-Левин был уже тут как тут. И, морщась от света, смотрел на свою спасительницу. Девятнадцатилетняя Ксения, старшая дочь купца, с трудом сдержалась, чтобы не закричать громко. А Левин широко улыбнулся барышне и тем самым несколько сгладил ситуацию.

Вскоре он был уже наверху. В роли гостя на семейном ужине. Дмитрий Геннадьевич все еще дулся на него за самоуправство, но при других старался не подавать виду. Шутил с домашними, по-видимому даже сильнее обычного, рассказывая о курьезных случаях на ткацком производстве и почти ни словом не обмолвившись об Александре Левине. Будто и не было ничего необычного в том, что бывший помощ-

ник фабриканта, которого присутствующие здесь еще недавно оплакивали и дали слово никому об этом не говорить, – ел, пил и даже улыбался. Сцена за ужином чем-то напомнила Юре эпизод из фильма «Знакомьтесь, Джо Блэк», где за одним столом с членами семьи богача в исполнении Энтони Хопкинса сидела сама смерть в обличье Брэда Питта, и родственники недоумевали, что она там делала…

А глядя на дочь Бурылина, ту самую, что напишет в дневнике о купленном отцом билете на «Титаник», Бурлак вдруг вспомнил свою любимую из прошлого. Ее звали Рита Коржавина. Давным-давно, в одной из прежних его жизней, она была подругой бандита по кличке Хряк. Но Юра, пусть и совсем в другом теле, отбил ее и… Впрочем, какая Рита? Какой Хряк? Сейчас у него было конкретное задание – посадить ивановского фабриканта на пароход до айсберга, заработав тем самым очки перед Геращенковым, а затем…

– Александр, вам передать сахару? – Ксения отвлекла попаданца от глубокомысленных размышлений.

– Разумеется, – согласился он, хотя уже много лет, в своем основном теле, пил чай без песка.

– Вот, пожалуйста! – она вооружилась особыми щипцами и отхватила кусочек от возвышавшейся посреди стола «сахарной головы», поданной к аглицкому чаю. – А, скажите… – барышня хотела спросить что-то еще.

Но ее перебил строгий Бурылин:

– Ксения, помоги матери! – сказал он тоном, не предпо-

лагавшим возражений.

– Да, отец…

Но Юра все же воспользовался знакомством с этим замечательным семейством, чтобы оказаться подальше от подвала в Иваново-Вознесенске, да и на Лубянке тоже:

– А пока что мы с Дмитрием Геннадьевичем отправимся на прогулку по его фабрикам, – заметил он.

– Как? Вы уже уходите? – хозяйка дома не смогла скрыть удивления.

– Я не… – а купец не нашелся сразу что ответить.

– Да, не будем злоупотреблять вашим гостеприимством, предстоит еще много дел в городе! – докончил за него Бурлак.

– Ты что себе позволяешь?! – накинулся на студента Дмитрий Геннадьевич, как только они скрылись с глаз домашних. – Кто тебя за язык тянул? Она ж расскажет брату, а тот товарищам с фабрики, а те…

Но Бурлак-Левин лишь улыбался. Теперь он был относительно свободен.

– Ну ты… спиногрыз[10]! – подытожил ивановский воротила.

[10] Жаргонное – тот, кто заставляет работать.

4

Под предлогом пережитого паралича и частичной амнезии Бурлак заставил Дмитрия Геннадьевича заново провести для него экскурсию по Иванову – тогдашнему Иваново-Вознесенску, а заодно и по ткацкой империи братьев Бурылиных. По состоянию на 1912 год те представлялись одними из ведущих капиталистов-текстильщиков уже всей Российской империи. Кроме прочего, владели фабрикой в Шуйском уезде, складами и лавками в Питере, Москве, Варшаве и Одессе, были участниками нашей Нижегородской, а также Чикагской и Парижской всемирных выставок.

Начали погружение в историю с домашнего музея в цокольном этаже семейного особняка. В подвале, где Юра провел уже немало времени, помимо мумий размещалась обширнейшая коллекция всякой всячины. И только по особому разрешению владельца счастливчики могли лицезреть «Собрание образцов набивки ситца ивановских фабрик с 1691 по 1850 год», модели различных старинных машин, галерею портретов предков, а также медали с выставок, образцы старинного оружия, монеты, трубки и часы – всего не перечислить. Коллекция во многом превосходила ту, что будут демонстрировать в следующем веке. За сто лет многое потеряют, разворуют или передадут в другие места. Тогда как сейчас, еще до строительства отдельного музейного здания,

тесный лофт был забит сокровищами почти под потолок.

Разумеется, их хозяин увлекся рассказом о том, когда и при каких обстоятельствах ему удалось заполучить ту или иную диковину. Настолько, что жена Бурылина раза три стучала в «дверь погреба», сообщая, что коллекционера ждут наверху местные промышленники и другие неотложные дела.

– Обождут! – кричал хозяин дома.

А когда ситуация повторялась, даже топал в сердцах, призывая не отвлекать его от главного.

– Я еще о прошлом веке составил духовное завещание, – неожиданно признался он. – И знаешь, что в нем написано?

Юра сделал вид, что никогда не бывал в ивановском Музее имени Бурылина и слышит об этом завещании впервые.

– Что моя коллекция – есть моя душа, а фабрики – лишь источник средств для розыска новых экспонатов, – добавил Дмитрий Геннадьевич. – Как бы токмо все успеть…

Время действительно поджимало. И в конце концов промышленника все же высвистали наверх. Дав необходимые указания домашним, просителям и подчиненным, он буквально схватил студента в охапку и вывел за собой на улицу. Правда, едва ступив за порог особняка, вынудил гостя остановиться:

– Куда это ты припустил? Подними очи и возрадуйся – где еще такой увидишь? В Иваново-Вознесенске второго такого уж точно нет!

Студент последовал рекомендации и некоторое время глазел на будущий музей ивановского ситца[11].

– Ну что, по нраву картина? Не так-то давно стоял здеся старый дедов дом, в один токмо ярус. А я уж надстроил второй, да балкон, да башню со световым фонарем, какой не встретишь, пожалуй что, нигде.

Особняк в модном тогда стиле модерн действительно выделялся посреди окружающей застройки, особенно на контрасте с пустырем напротив.

– Ты не смотри туда-то, – напутствовал Дмитрий Геннадьевич. – Свято место пусто не бывает. Ужо через два года будет здеся город-сад, а верней музей промышленности и искусства. Уж помяни мое слово…

Да кто ж спорил? Музей и спустя сто лет будет стоять на том месте.

– Перенесу в него масонскую коллекцию, да и все прочие. Будут приезжать люди отовсюду, зеваки да другие коллекционеры, почитай, со всей империи! – продолжал Бурылин.

Так и будет. Разве только уже не империи, но в остальном купец был прав.

– Поставлю управлять музеем сына. Пожалуй, что Диомид подойдет для сего получше прочих. А он ужо поставит своего сына, будет этакий бурылинский подряд… – размечтался предприниматель.

---

[11] В будущем и родовой особняк, и специально построенное здание через дорогу, станут филиалами Историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурылина.

Вот только с этим заминочка выйдет, конечно. Двадцатый век, туды его в качель…

– А ты еще сюда посмотри! – одернул бизнесмен. – Видишь тот дом? Сыну моему старшому, Ивану, подарок на свадьбу.

Ага, а еще спустя сто лет в нем будет Ивановский ЗАГС.

– Пошли за мной дальше… Вот это что за строение?

– Дом вашей дочери, – сказал студент наугад.

– Эх, Москва! – что прозвучало в данном случае скорее как «ну ты и деревня…» – То Куваевская мануфактура, принадлежит моему брату Николаю. Самая большая в городе. Две тысячи с лишком работников, а товара на двадцать мильонов в год.

Могло сложиться впечатление, что и весь Иваново-Вознесенск состоял исключительно из бурылинских домов и предприятий. А еще подумалось о том, как же, наверное, горько будет в одночасье все это потерять.

Когда добрались до очередной фабрики Дмитрия Геннадьевича, хлопкоочистительной на Вознесенской улице, Юра в теле студента Левина едва стоял на ногах. У Бурылина же не было замечено усталости ни в одном глазу. Купец и фабрикант продолжал направо и налево раздавать указания, вникал в каждую мелочь, припечатывал словом ленивых приказчиков и поощрял улыбкой трудолюбивых мастериц.

Одна из них, правда, больше льнула к студенту, демон-

стрируя ему образцы тканей и изготовленных из них нарядов. Вероятно, приняла попаданца за важного гостя.

– Саша! Шура! Александр! – наконец услышал он, задумавшись о чем-то своем. И даже не о чем-то, а о ком-то. О своей Рите, разумеется. Которая жила в том же 1912 году и не чаяла, что он гуляет по Иванову и разглядывает здесь чужих барышень.

– Пошли ужо! – скомандовал Бурылин. – На станцию еще надо мне. Отправить партию ситца полякам, в Лодзь…

Лодзь – Лодзью, а у Бурлака-Левина была еще конкретная миссия – уговорить ивановского фабриканта купить билет на «Титаник» и даже посадить на него. Ситуацию несколько облегчало то обстоятельство, что о столкновении с айсбергом из них двоих знал только один. И все равно посылать не самого плохого, как успел заметить Юра, человека, навстречу собственной погибели было как-то не очень. Поэтому демон начал чуть издалека:

– А в Америку вы товар поставляете?

– Забыл опять все? – расстроился Дмитрий Геннадьевич. – На Чикагской «Колумбовой» выставке в Северо-Американских Соединенных Штатах[12] наша коллекция ситцев и весь наш павильон произвели форменный фурор. Ивановская витрина была представлена девятью торговыми домами и, почитай, стала лучшей на выставке. Получил за то две медали разом: одну за ситцы, другую за монетную коллек-

[12] Так назывались США в то время.

цию. Медали храню в особом футляре, изготовила из металла алюминия ента… «Сковилл» фирма прозывается… из ихнего штата Коннектикута…

Юра напрягся, припомнив и собственный горький опыт знакомства с местом, где в один из прошлых разов его лишили жизни.

– Что ты сказал?

– Говорю, название какое диковинное – Кон-не-тик-ток… – нашелся он. – А сами-то вы в Америке не были?

– Сам не бывал, – признал предприниматель. – Далеко нам до Америки. Даже до Китая как будто ближе…

На что попаданец, силясь, напряг извилины и решил блеснуть эрудицией с урока истории:

– А как же «колумбы из Тотьмы» и «вологодские мореплаватели»[13], которые проплыли тысячи верст, и стали одними из первых жителей Русской Америки?

– Твоя правда, – фабрикант неожиданно пошел на попятный. – Надо ехать, конечно, надо все посмотреть…

– Значит, осталось только билет купить?

– Получается, что так…

– А каким путем добираться предпочитаете?

– Ну а какой у меня выбор-то? По морю, вестимо…

– Точно! А про «Титаник» слышали? – попаданец вконец

---

[13] Среди первопроходцев на Русской Аляске было много представителей Русского Севера, из внутренних губерний страны, которые даже не имели выхода к морю.

оживился.

– Эх… – расстроился купец. – Ты совсем меня за глупца держишь?

– Никак нет!

– А, мне представляется, что держишь! И про «Титаник», и про «Олимпик»[14] все знаю без сопливых. Билет ужо куплен. Только никому не говори. А то супружница моя вздрагивает всякий раз из-за моих отлучек. Поставлю перед фактом, перед самым что ни на есть отъездом…

Вот те на… Вот удивился бы генерал-майор Геращенков, узнав, как просто было уломать фабриканта на поездку в Северо-Американские Соединенные Штаты. Детский сад, а не задание для опытного агента СЭПвВ!

[14] «Титаник», «Олимпик», а также построенный позже «Британник», входили в серию из трех самых больших в мире трансатлантических лайнеров.

5

Завершилось ознакомление с Иваново-Вознесенском на станции, где у Бурылина были свои дела. Едва переступив порог вокзала, он тут же принялся раздавать указания приказчикам, крючникам, лямочникам[15]… Он знал всех, и все знали его. Только Юра вертел головой по сторонам, не закрывая рта. Село Иваново объединилось с соседним Вознесенским посадом всего каких-то сорок лет назад. Но дальше случилась промышленная революция, и железные дороги соединили город на Уводи с Москвой, Питером, Ярославлем и Нижним Новгородом. А в начале царствования Николая II здесь возвели вокзал, стилизованный под большой древнерусский терем с крестьянскими избами по бокам. Ходи да охай, коли видишь его в первый раз…

Однако, чтя традиции, Иваново-Вознесенск стремительно входил и в двадцатый век. Бурлак-Левин приставил к уху и рту новомодный телефонный аппарат, состоявший из двух половин: одна – для слушания, другая для говорения.

– Алло…

Увидев это, фабрикант нахмурился:

– Вот, мироед… – выругался Дмитрий Геннадьевич по-старообрядчески. А забрав у студента трубку, добавил: – Первый в нашем городе общественный телефонный аппарат.

[15] То же, что грузчики.

Установили о прошлом годе. За каждое снятие трубки уплати пятнадцать копеек.

Ух! Мобильные операторы будущего нервно закурили в сторонке.

– А рядом с вокзалом… Ты спрашивал, чего это я там остановился… В девятьсот пятом толпа рабочих учинила самосуд над большевичкой Генкиной, – буднично поведал Бурылин, продолжая рассказ о местных достопримечательностях.

– За что? – поинтересовался Бурлак тем же тоном.

– Дык, за что… То революция[16] была, поди разберись: кого да за что? – резонно заметил фабрикант. – Сейчас уж такого нет и не будет! – он перекрестился.

А Юра посмотрел на собеседника с известной долей скепсиса. Бедолага жил себе преспокойно в 1912 году и даже ничего не ведал о 1917-м. Хотя… Все было в его, бурлаковских, руках! Достаточно серьезно напортачить в прошлом, убрать лишнего человека или, наоборот, привести к власти, и не будет никаких революций… Правда, может случиться и наоборот – лет эдак на пять пораньше… Тут уже перекрестился Бурлак-Левин.

Следом он поймал недобрый взгляд местного рабочего. Потенциальный революционер смотрел на него как-то не по-христиански. Юре даже вспомнилась книга Стивена Кинга

---

[16] Первая русская революция была подавлена властями Российской империи в 1905–1907 годах.

«11/22/63», где попаданец пытался предотвратить покушение на президента Кеннеди, но прошлое всячески вставляло ему палки в колеса. Оно как будто говорило: ты здесь чужой! Вот и сейчас взгляд неизвестного работяги сигнализировал примерно о том же.

– Дмитрий Геннадьевич! – окликнул Бурлак своего попутчика. – Мне кажется, этот смотр будет неполным, если я… не съезжу в Москву.

– Однако! Шапку в охапку да марш большою дорогою через забор в Москву? – Бурылин оказался не чужд иронии, процитировав модного писателя девятнадцатого века Лескова.

– В Москву разгонять тоску! – добавил студент, вовремя заменив в своей голове еще более устойчивое словосочетание «Moscow never sleeps».

– И что же, прости великодушно, мы там забыли? – в свою очередь поинтересовался купец.

– Так вы же сами говорили! – припомнил Юра. – В девятьсот двенадцатом году в Москве, в Историческом музее, почти в каждом зале демонстрировались… то бишь, демонстрируются сейчас… главные экспонаты из вашей коллекции. Как я могу такое пропустить до отъезда?

– Верно сказал. Только, видишь ли, у меня дела… Не смогу отлучиться надолго!

– А и не надо, – с трудом скрыл радость Бурлак. – Я все понимаю, потому и хочу съездить один. Одна нога там, дру-

гая здесь. Одним днем.

– Одним днем? Это как же такое возможно? – изумился делец.

А студент понял, что сказанул лишнего, не учел, так сказать, современных реалий – высокоскоростных «Ласточек» пока еще не изобрели.

– Эка погорячился я с одним днем, – поправился он. – Два, а то и три надо бы заложить. Но ворочусь при первой же возможности!

– Не приедешь, три шкуры сдеру! – пообещал почетный гражданин Иваново-Вознесенска.

Компаньоны должны были уже расстаться. Однако шуточную угрозу Дмитрия Геннадьевича неожиданно вознамерился претворить в жизнь… хмурый работяга, не спускавший глаз с попаданца все это время. Он подошел совсем близко, расстегнул мешковатую жилетку и вытащил из-за пазухи приличных размеров копытный нож[17]. Бурылин попятился назад и едва не упал. Но капитан московской полиции Юрий Бурлак, даже находясь в теле хилого студента, не прошедшего военную кафедру, прежних навыков все равно не растерял. Мгновенно приняв правильную стойку и правильное решение, он заломал нападавшему руку. Тот замычал, как корова. А выпавший нож еще некоторое время катался по полу, привлекая к себе всеобщее внимание.

– Ах ты ж! – неизвестный полез на попаданца другой ру-

[17] Использовался для разделки туш крупных животных.

кой.

И, действительно, мощным мозолистым кулаком он вполне мог отправить Левина даже и к праотцам. Но не Юру Бурлака, в чьем бы теле тот ни находился. Сумма расчетливых движений отличника боевой и политической подготовки. А как итог – хруст второй руки и лежащий на полу смутьян, который к тому же поранился собственным ножом, корчился теперь в судорогах и даже успел обмочиться…

Поняв, что продолжения не будет, раненого обступили многочисленные пассажиры, крючники и извозчики. А из недр переполненного вокзала наконец донесся свисток жандарма. Интересно, сам заметил или воспользовался сарафанным радио? В то время как Бурылин все еще стоял и пучил глаза, не веря в происходящее. Спустя мгновение стало понятно, отчего. Вовсе не от того, о чем можно было подумать.

– Семен, это же ты, Семен! – неожиданно обратился он к «пострадавшему».

– Ну я, – пробурчал тот.

– Как же так, Семен… Я ж тебя с вот таких знаю… – Дмитрий Геннадьевич опустил ладонь куда-то на уровень колена.

– И что с того? – «пострадавший» с трудом сел, обнимая правой рукой сломанную левую.

– Что на тебя нашло? – непонимающе вопрошал фабрикант. – Ты ж мухи не обидел никогда!

– А то, дядь Мить! – успел ответить Семен перед тем, как жандарм взял его под белы рученьки. – Неча было на мою

супружницу заглядываться да ситцы ее нахваливать! Явился из своей Московии… Кто с мечом к нам придет, тот от меча и… – смутьяна окончательно увели.

А Юра нашел взглядом тесак, который все еще валялся в сгустке крови нападавшего. Правда, некоторые прохожие уже успели размазать красное пятно по красивой плитке, напоминавшей тканый узор. И тут Бурлака осенило: на него набросился муж работницы одной из бурылинских фабрик, той самой, что приняла его за важного гостя и оказывала подобающие тому знаки внимания!

– Ты прости его, енто, не со зла он… – начал было оправдывать земляка Бурылин.

Ну да, конечно! Это просто Вселенная сопротивлялась вмешательству Юры в прошлое прекрасного текстильного края. В конце концов, одним студентом меньше, одним больше – никто и не заметит! Это вам не охотник Экельс из рассказа Брэдбери «И грянул гром». Тот случайно раздавил в прошлом бабочку[18], и из-за этого, казалось бы, незначительного «проступка» мир будущего совершенно изменился: в Америке выбрали не того президента, поменялся язык и даже химический состав атмосферы!

В суматохе по красивой дореволюционной плитке прошмыгнула мышь, обычная иваново-вознесенская мышь. А Бурлак снова припомнил, как там было у Брэдбери: «Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению,

[18] Данное происшествие известно как эффект бабочки.

которое исказит облик всей земли и в корне изменит наши судьбы. Наступите на мышь – и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь – и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавэр, Соединенные Штаты вообще не появятся…»

Впрочем, Юра Бурлак уже достаточно наследил в прошлом – и нормально! В будущем попаданца ждал все тот же Геращенков, они говорили на одном и том же языке, а по окончании нынешней миссии генерал наверняка будет травить одни и те же бородатые анекдоты про «Титаник» и египетских мумий. Агент СЭПвВ ускорил шаг в направлении билетной кассы.

Глава 4. Троянский конь

1

Ночной поезд из города на Уводи доставил Бурлака в Первопрестольную, как и положено, за одну ночь. В этом смысле мало что поменялось за сто лет. Но в дороге путешественник во времени не спал и многое передумал. Начать с пресловутого эффекта бабочки. Да, нарочно насекомых он не давил, однако после первой же миссии в дореволюционную Москву будущее немного изменилось. Как бы это ни отрицали в СЭПвВ. Попаданец припомнил разговор с Геращенковым на эту тему, тогда еще подполковником:

– Вас здесь все устраивает? – спросил босс, имея в виду пребывание в 2023 году.

– Некоторые вещи как будто поменялись, – признался Юра.

– Возможно.

– Возможно, своими действиями в прошлом я поменял будущее?

– Я этого не говорил, – старший офицер дал тогда обратную. – Я сказал, что, возможно, какие-то вещи, уточню также, что довольно незначительные, которые не носят характера жизни или смерти, могли поменяться. Но я не гово-

рил, что из-за ваших действий там.

То есть здесь…

– Поспешу вас успокоить, – добавил также Геращенков, – что мы со своей стороны сделали все, чтобы ваша жизнь или жизнь ваших близких не претерпели сколько-нибудь заметных изменений.

Однако сделать все и предотвратить – не одно и то же. По факту, когда пропавший во времени вернулся в свой двадцать первый век, опостылевшая жена Оксана вдруг заново воспылала к нему чувствами, предавший его сослуживец Петя как будто никого уже и не предавал, а эксцентричный начальник полицейского главка Кукуян уже не матерился, во всяком случае, так, как раньше. Тоже своего рода эффект бабочки, пусть и без фатальных последствий для страны или мира. А попаданец перестал видеть четкую грань между прежней реальностью, которая когда-то казалась одной-единственной в своем роде и новой, что поначалу представлялась этаким кошмарным сном. Перевертыши с женой и другом заставили по-иному посмотреть и на прошлое. Отношения с Ритой Коржавиной с преступной Хитровки представлялись теперь чем-то даже более настоящим, чем официальный штамп в паспорте по состоянию на 2023-й…

А узнай он детали операции СЭПвВ «Край биографии»[19], даже у видавшего виды оперативника зашевелились бы волосы на голове. Ведь получалось, что во всех последующих

[19] Описаны в одноименной книге, четвертой по счету в цикле про Бурлака.

телах пребывал даже не Юра Бурлак, каким он себя помнил, а дореволюционный налетчик Жорка Ратманов, сознание которого гениальному Корнилову-Двуреченскому неким почти непостижимым образом удалось поместить сначала в Бурлака, а уже потом и во все последующие телесные оболочки. Чудеса, да и только!

Пассажира разбудила упавшая на плечо увесистая пятерня бородатого извозчика:

– С пробуждением, ваш благородие! – приветствовал наглец. – Вижу, не отсюда вы! Чаю, хотите прокатиться по Москве, а я уж здесь как здесь!

Юра Бурлак – именно им попаданец ощущал себя в глубине души – недовольно поморщился и первым делом убрал с плеча чужую руку.

– Барин не в настроении, – заключил бородатый.

– Барин не просил его будить и катать по Москве, – огрызнулся студент.

– Так куды ехать-то? – собеседник будто его и не слышал.

– На Кудыкину гору, – передразнил Бурлак-Левин и посмотрел на незнакомца так, что тот поспешил ретироваться.

Во всяком случае, стало ясно, что попаданец проснулся во времена бар и благородий. Хоть какая-то стабильность, которую все так ищут. Но, учитывая бессонную ночь в поезде и последствия недавней египетской лихорадки, студент все же решил прикорнуть еще. Не тут-то было! Издалека к нему не шел, а бежал другой незваный гость – на этот раз молодой

человек без бороды, но в круглых очках по моде Серебряного века. Уже издали тот начал разводить в стороны руки, а по приближении прокричал:

– Сашка! Сколько лет, сколько зим?!

Этого еще не хватало… О прошлом студента Александра Левина Юре было известно меньше всего! Потому он снова прибег к уже хорошо зарекомендовавшему себя «я не я и лошадь не моя».

– Уважаемый, – проговорил Бурлак-Левин, стараясь как можно быстрее завершить этот диалог, – вы, верно, обознались. Никакой я вам не Сашка.

– Как не Сашка?! – собеседник разочарованно сложил руки обратно. – Сашка Левин – не вы?

– Не я, – покачал головой Юра и даже почти не соврал.

– Как же это странно…

– Очень! – подтвердил попаданец.

– Ну я пойду тогда… – и очкарик виновато засеменил к выходу с вокзала.

А спустя еще несколько мгновений, только с удивленно поднятой головой, то же самое проделал и сонный пассажир из Иваново-Вознесенска. Решив поменьше разговаривать с неизвестными, даже если они тебя хорошо знали. А до Хитровки добираться даже без извозчика, на своих двоих. Подсчитал, что пешочком такая прогулка займет не больше часа, с учетом разглядывания интересных мест по дороге – не больше двух.

2

Выйдя с Ярославского вокзала, первым делом разглядел вокзал напротив – Рязанский, тогда он еще не назывался Казанским и выглядел совсем иначе. Миновал стаю галдящих извозчиков, которые в отличие от наглого бородача приставали по большей части к богатым пассажирам. Скользя и спотыкаясь вдоль еще обледенелой Москвы, побрел по знакомому маршруту.

Он любил этот город во все времена. Было что-то непреодолимо притягательное даже в этих выбоинах на мостовой или в тающих сугробах, которые перегораживали узкие переулки и не давали иным обывателям выбраться за пределы своих огородов. Москва была большой деревней, где строение в несколько этажей возвышалось над улицей, а девятиэтажка прозывалась тучерезом, ну или небоскребом[20]. К тому же, в отличие от стольного Петербурга, где все бегали с утра до вечера, спеша на государственную службу или торопясь с нее домой, стоя в очередях в присутственные учреждения или посещая политические митинги, здесь все было намного степеннее. Будто уже вышел в отставку или приехал погостить к пожилой родственнице.

Это Красные ворота, которые снесут, кажется, в 1927-м.

---

[20] Первым московским небоскребом считается девятиэтажный Дом Нирнзее, построенный в 1912–1913 годах.

Жаль, сейчас не было при себе фотоаппарата… Далее – Садовая-Черногрязская. Грязи здесь не так чтобы было очень много, во всяком случае, не больше, чем на соседних улицах Москвы, но еще недавно рядом протекала речка Черногрязка, которая и дала местности неблагозвучное наименование. Пройдясь по Басманной, минуя Чистые Пруды, так и добрел до той самой Хитровки.

Он уже знал, где искать Риту. Не впервой. Юра припомнил, как однажды уже вбегал в эту крохотную квартирку, превращенную в бордель. Как увидел даму своего сердца еще издали, поднимаясь по скрипучей лестнице. А также одного из ее клиентов – поддатого здоровяка, что настойчиво пытался навязать Рите свое общество. Взгляд Юры – а точнее Жорки Ратманова – стал тогда максимально жестким. Он добрался до соперника в несколько прыжков и, не раздумывая, швырнул того вниз. Рядом находился известный журналист, автор будущего бестселлера «Москва и москвичи» Гиляровский. Но тот лишь присвистнул, провожая глазами пьяницу. А Бурлак-Ратманов присел рядом с Ритой и с ходу признался в своих душевных муках:

– Ты обманула меня! Ты все это время врала мне! Ты говорила, что между нами ничего не было. Но между нами было, было, было, было!!!

В ее глазах читались боль и одновременно нерешительность. А Ратманов продолжал:

– Ты опустилась, ты снова вернулась к тому, откуда я тебя

вытащил! Ты отвернулась от меня, хотя могла бы жить сейчас в достойных условиях и с любимым… – от волнения у него перехватило дыхание.

И тогда уже не выдержала Рита. По ее каменному до того лицу полились потоки слез:

– Да, я все помню… Я вспоминаю об этом каждый божий день… Я встаю с этими мыслями утром и засыпаю вечером. Я вспоминаю о тебе, когда вынуждена тащиться сюда, и когда меня тра…ет очередной господин наподобие того, кого ты спустил с лестницы. Мы были вместе, и мне было лучше, чем с кем бы то ни было еще…

– Но зачем, зачем тогда ты солгала мне?!

– Двуреченский – это страшный человек! Он запугал меня. У него есть отдельная папочка на всех, решительно на всех! Я боялась, очень боялась, что он сделает что-то плохое! И даже не со мной, не только со мной, я боялась, что он причинит вред тебе… Ведь он может уничтожить любого, кто встанет у него на пути…

Юра замотал головой, будто избавляясь от наваждения. Двуреченского, или Корнилова, давно не было рядом. Сам Бурлак тоже задержался в теле Викентия Саввича ненадолго. И вот теперь стоял на прежнем месте уже в образе студента Левина, тщедушного и нескладного, не решающегося сделать следующего шага. Войти – не войти? Пролезть вне очереди или дождаться, пока уйдет последний клиент? Набить всем лица или не мотать нервы себе и другим? Ну а самый

главный вопрос – что он скажет ей при встрече? Находясь даже не в теле Георгия Ратманова, к которому та привыкла? Более того, получалось, что они толком даже не были еще знакомы! Да, Рита уже знала налетчика Жорку. Но сознание Бурлака переместится в него лишь в июне 1912 года, и тогда же начнется их бурный роман. А сейчас только сошел снег. К тому же Рита когда-то встречалась с «иваном»[21] по кличке Хряк, и Юра не мог вспомнить, находилась ли она в отношениях с ним прямо сейчас. И что мог предложить ей он сам? Мало того, что девушка увидит перед собой тело неизвестного студента, так еще и поговорить им будет решительно не о чем. Она не сможет вспомнить ни слова из их прежних задушевных бесед…

Взвесив все, попаданец так и не решился войти к ней снова. Вместо этого поймал на лету одного из завсегдатаев борделя, который по уже знакомой траектории летел с лестницы вниз. Возможно, спас тому жизнь – впрочем, Юру она совершенно не интересовала. Выбравшись с преступной Хитровки, сохранив при себе бумажник и даже не вступив по дороге ни в одну уличную стычку, что для этих мест считалось скорее исключением из правил, побрел куда глаза глядят. У него оставалась еще пара дней, которые он выторговал у Бурылина.

---

[21] Главарь банды, криминальный авторитет, дореволюционный аналог вора в законе.

3

По Покровскому бульвару добрел до Чистых Прудов, где не мог не остановиться, чтобы снова поглазеть на дом «страшного человека» Викентия Саввича Двуреченского. Спустя год с небольшим и сам Бурлак облюбует тело чиновника, но не этот роскошный особняк. Последний сгорит при не до конца выясненных обстоятельствах где-то в начале 1913-го. А ведь неплохая была недвижимость в самом центре Москвы. Жаль, что хорошенько разглядеть ее мешали высокий забор и ветки цветущего яблоневого сада. Повезло же Корнилову-Двуреченскому, который, по Юриным раскладам, и сейчас мог квартировать внутри этого дома!

Неожиданно скрипнула дверь. И Юра интуитивно пригнулся. В каком бы теле он ни находился, столкнуться нос к носу со своим прежним наставником – подельником – и по совместительству главным дезертиром из СЭПвВ не очень-то и хотелось. На этот раз пронесло! За скрипучей калиткой оказался не Викентий Саввич, а всего лишь дворник Филипп, ворчливый старый дед, который всегда был всем недоволен. Вот и сейчас он принялся драить и без того чистый двор, что-то выговаривая воображаемому собеседнику. Попадаться ему на глаза тоже не хотелось, потому Юра развернулся и побрел дальше. Нужно было завершить миссию на «Титанике» и…

По воздуху разнесся оглушительный свист. Кажется, Бурлак, даже пригнувшись в три погибели за изгородью, каким-то образом выдал себя. Ему навстречу уже бежал тревожный дед Филипп с лопатой наперевес. И пара соседских дворников – с двух других сторон. Продемонстрировав отменную физическую форму, особенно для долговязового студента Левина, Юра унесся в единственном направлении, которое оставалось неперекрытым. Чтобы уже через четверть часа разглядывать бурылинскую коллекцию в залах Императорского Исторического музея имени Александра III на Красной площади…

– Перед вами палка-посох Михаила Илларионовича Кутузова, а также фарфоровое блюдце и чаша с изображениями нашего прославленного полководца. Прошу, осторожнее! – экскурсовод был серьезен как какой-нибудь коллежский секретарь и чем-то даже походил на своего коллегу из ивановского Музея имени Бурылина. – Я повторяю вновь: руками ничего не трогать! Экспозиция совсем новая, а вы рискуете оставить нас и без Кутузова, и без Наполеона!

Выставка, приуроченная к столетию Отечественной войны 1812 года, должна была стать частью нового московского музея и пройти в другом, специально выкупленном казной здании. Однако к сроку устроители не поспевали, и довольствовались арендой залов здесь. Экспонаты искали по всей России. Одно из писем с приглашением об участии дошло и до Иваново-Вознесенска. В результате именно бурылинскую

коллекцию многие называли изюминкой выставки. Ну а изюминкой самой коллекции безусловно были «120 дюжин бумажных платков с картиной европейского театра в декабре 1812 года».

– Это юбилейный хлопковый платок «Ответ императора Александра Первого Наполеону Бонапарту». А это изображение «Бегства Наполеона Бонапарта из Москвы», – в спешно переоборудованных под выставку залах еще пахло краской, а экскурсовод подглядывал в шпаргалку с дореволюционными ятями. – Всего у нас семь разделов: зал Императора Александра Благословенного, зал «Бородино», зал Москвы 1812 года, Юбилейный зал, а также залы Наполеона Бонапарта, Французской армии и ее бесславного отступления.

Но не войной единой. Нашлось в этих залах место и для масонской коллекции Дмитрия Геннадьевича, которая уже успела стать его визитной карточкой. Фартуки, перевязи, сумки и другие причудливые предметы гардероба вольных каменщиков с удовольствием разглядывала праздная толпа.

– Чем именно интересуетесь? – услышал Юра голос за спиной. – Масонскими причудами или больше Наполеоном, Кутузовым?

Бурлак ощутил знакомый холодок – позади него стоял Викентий Саввич Двуреченский, он же Корнилов – по-видимому! Старый знакомый, еще даже не успевший стать главным дезертиром из СЭПвВ, не должен был признать Бурлака в новом теле, однако…

– Всем понемногу, – ответил Юра, едва не поперхнувшись.

– Вы универсальны как коллекция Бурылина! Я вот тоже стараюсь за всем поспеть. Так сказать, и нашим, и вашим, – загадочно высказался Викентий Саввич, а потом взял да и подмигнул попаданцу!

Или показалось. Но Юре в теле Левина стало еще труднее сдерживаться, чтобы не выдать себя.

– А вы… – голос студента как назло осип, – здесь по делам или?..

– Я вас то же самое хотел спросить, но вы меня опередили!

Смеялся Корнилов-Двуреченский, надо признать, весьма заразительно. Даже Юре насилу пришлось улыбнуться.

– Или, конечно же я здесь «или»! – добавил будущий перебежчик. – Но разве перед такой красотой не отступят любые другие дела?

Вопрос оказался риторическим. Слава богу, чиновника для поручений при главе московского сыска – такую должность Корнилов-Двуреченский официально занимал в прошлом – действительно позвали дела. Сказав на прощание что-то навроде «честь имею» или «я еще вернусь», он отбыл ловить каких-то налетчиков, возможно, даже из банды Бурлака в теле Жорки Ратманова. Что делать, Юра проживал несколько очень разных жизней…

Но едва попаданец об этом задумался и чуть-чуть расслабился, как его снова потревожили. Теперь он увидел перед

собой еще одного старого знакомца – Сан Саныча Монахова, офицера царской охранки, инспектора СЭПвВ в дореволюционной Москве и даже внедренного агента в ряды партизан времени, отказавшихся работать на кураторов из будущего. Он тоже направился было в сторону Бурлака, но тот сделал быстрый финт ушами и затерялся в толпе, вовремя избежав потенциально опасной встречи.

Был там и барон Штемпель. Когда-то его тоже подозревали в попаданчестве, но вроде бы сослуживец Монахова по охранному отделению в этом плане оказался чист. А Бурлак понял одно – нужно уносить ноги, и как можно скорее! Что там говорил Геращенков? Обрубить все связи в прошлом? Не отсвечивать? Никому не говорить, кто он? И, не дай бог, следующим случайным прохожим окажется какой-нибудь… Ратманов, то есть буквально он сам, в чье тело Бурлак запрыгнет через пару месяцев. Если это вообще возможно! Держать себя в руках становилось все тяжелее…

– Милейший! – услышал он из угла, куда словно пчелы на мед слетелись его прежние знакомые. Но Юра не дал им шанса договорить. Оперативно проследовал к выходу, растолкав мешавшихся под ногами современников Серебряного века. И таким же быстрым шагом пересек Красную площадь. Скорее на вокзал! Экскурсия по Москве 1912 года подзатянулась…

4

– С какой целью въезжаете на территорию Рейха[22]? – поинтересовался пограничник с немецкой дотошностью, достойной лучшего применения. До Первой мировой войны, которая столкнет Россию с Германией, оставалось еще чуть больше двух лет, и он никуда не торопился.

Тогда Юра в очередной раз огласил официальные цели этой поездки. Дмитрий Геннадьевич поплывет на «Титанике» в Америку по приглашению хлопководов штата Алабама. Но до парохода Бурылину еще нужно как-то добраться. В это время его будет сопровождать Левин, в качестве личного помощника и переводчика.

– Складно гуторишь по-ихнему, – похвалил после интервью с пограничниками Бурылин.

Юре даже вспомнилась школьная училка по немецкому, Эмилия Германовна. Женщина утверждала, что когда-нибудь на этом языке заговорит пол-Европы. Так, в общем и случилось, только для этого пришлось отправиться в прошлое.

– А я вот нигде не учился, – сознался ивановский фабрикант. – Знаю по-ихнему единое токмо слово.

– Какое?

– Дер айсберг.

---

[22] С 1871 по 1918 год Германскую империю называли также Вторым Рейхом.

Однако… Чтобы добраться из Иваново-Вознесенска до Саутгемптона, где, возможно, уже стоял под всеми парами «Титаник», в 1912 году нужно было проехать всего два зарубежных государства! Громадная Российская империя напрямую граничила с Германской, никакой независимой Польши между ними тогда и в помине не было. А Второй Германский Рейх соседствовал с Третьей Французской Республикой, которую от английского Саутгемптона отделял лишь узкий пролив Ла-Манш.

К услугам путешествующих был знаменитый «Норд-Экспресс». Дважды в неделю поезд курсировал между Санкт-Петербургом и Парижем, преодолевая это расстояние всего за 44 часа. А там и до Туманного Альбиона было рукой подать. И один раз в неделю состав отправлялся в том же направлении из Москвы. Причем по пути Бурылин и компания меняли свой поезд на другой, абсолютно такой же. Сначала ехали по «русской колее» шириной 1520 миллиметров, дальше – по «европейской», на 850 миллиметров уже. Пересадка производилась в литовском местечке Вержболово, когда дело касалось петербуржцев и в Варшаве, если речь шла о москвичах.

– Сашка, кажись, приехали! – сигнализировал Бурылин, глядя в окно и одновременно с силой тормоша студента.

Спросонья Юра даже подумал, что они каким-то образом отклонились от маршрута и оказались в городе на Неве. Вывеска на русском гласила, что это «Петербургский вокзал».

Однако дублирующая надпись на польском уже не оставляла сомнений – они на Петербургском вокзале Варшавы. С определенными оговорками это был русский город, да еще и третий по населению в империи.

– Хватит! – попросил Бурлак, поднимаясь. Он все еще не до конца привык к ритму жизни начала двадцатого века.

– Под лежачий камень вода не текет, – ехидно заметил купец, убрав руку с его плеча.

– Торопиться жить – скоро умереть, – попаданец тоже припомнил поговорку по случаю.

– Типун на твой язык! – рассердился Бурылин. Но тут же остыл и добавил: – Отчего не хочешь плыть со мною в Америку? Там каюта не хужее ентой будет…

– Мне надо к матери, – почти не соврал Бурлак.

– Я извещу ее письмом о том, где ты будешь!

– Ну да, один раз уже попытались! – Юра припомнил, как фабрикант сообщал матушке Левина о смерти ее сына. Слава богу, не успел отправить.

– То ж другое совсем…

– К тому же, – добавил студент, – у меня еще масса других дел, кроме ваших мумий и «Титаников».

Перспектива оказаться на тонущем лайнере по-прежнему казалась ему сомнительной. Да и Геращенков разрешил доставить Бурылина только до борта, а дальше – свобода…

На пересадку в совершенно идентичный состав отводилось не больше часа. Процедура была отточена до мелочей.

Настолько, что специально обученные люди перекладывали багаж пассажиров ровно в той последовательности, как тот лежал раньше. Войдя в новый вагон, Юра обнаружил на том же месте даже носовой платок, оставленный в предыдущем.

– Не болей! – напутствовал Дмитрий Геннадьевич с саркастической улыбкой. Он все еще пребывал в приподнятом настроении.

– И вам не хворать…

Знаменитый «Северный экспресс» ходил с 1896 по 1914 год. Люкс, куда, разумеется, определили и богача Бурылина с компаньоном, по роскоши, вероятно, несильно уступал каютам «Титаника». Заново переоблачившись в домашний халат и закурив кубинскую сигару по моде того, да и не только, времени, ивановский фабрикант проследовал в салон, нырнул в мягкое кресло, указал Бурлаку на место напротив, и предался воспоминаниям:

– Я ж первую сделку, знашь, когда заключил? Четырнадцати лет отроду! Поставили нас с Николаем управлять дедовой мануфактурой. Дед Диодор, Царствие ему Небесное, уж помер к тому времени. Отец не оправдал дедовых чаяний. Тогда уж мы, два спиногрыза, взвалили на плечи енту ношу непосильную… А лежа на смертном одре, дед Диодор оставил последний наказ. Будто даже не его рукой писаный, да кто ж таперича разберет? Были в ентом наказе таки слова: жить от нас не зависит, однако же хорошо жить зависит от нас!

Бурылин принял из рук галантного официанта красивую чашку из майсенского фарфора. Посуда могла стоить целое состояние, как и бельгийский кофий, который он из нее попивал.

– Были там и другие слова. Доверчивость есть качество благородное и великодушное, но существует в одних токмо чистых душах. Тщетно суетный и развращенный свет старается делать ее смешною, опасность ее предпочтительнее несчастий, следующих за противным ей пороком. Доверчивые люди бывают порою обмануты, но те, кои проводят жизнь в недоверии, находятся беспрестанно в жалостливом состоянии. Надежда на Бога есть лучшая подпора в жизни. А несчастия научают нас благоразумию, – заключил купец и… прослезился.

– Дмитрий Геннадьевич…

В этот момент Бурылина стало даже жаль. Захотелось рассказать обо всем, что его ждало в ближайшем будущем. Однако Юра в очередной раз сдержался. Издержки профессии секретного агента СЭПвВ, да и любого разведчика под прикрытием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.